

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Е.А. Евтушенко

В чем сущность поэзии «шестидесятников» как историко-литературного феномена? Спустя три десятилетия после дебюта Евгений Евтушенко так определял особость поколения «шестидесятников» в общем ряду современных им поэтических поколений:

«Исторический перелом после 1953 года, после двадцатого съезда партии утвердил новое поэтическое поколение во всех наших республиках, в силу возраста не запятнанное трагическими ошибками прошлого, но принявшее на свои юношеские плечи ответственность не только за наши незабываемые победы в защите общей многонациональной родины, но и за трагедии — поколение, которое смолоду поставило вопрос о необходимости моральной перестройки нашего общества».

Однако та «перестройка», к которой призывали молодые поэты в начале «оттепели», не посягала на признанные устои советского общества.

В первых стихах «шестидесятников» нередко еще слышна была инерция общепринятых в поэзии соцреализма стереотипов — мотивы жертвенности, альтруистической готовности стать «материалом», «прологом» в светлое будущее:

О те, кто наше поколение!
Мы лишь ступень, а не порог.
Мы лишь вступленье во вступленье,
к прологу новому пролог!

Однако доминирующую роль в их поэзии стали играть новые, непривычные мотивы; они повели за собой поэтику, определив в конечном итоге облик лирики «шестидесятников».

Уже на исходе «оттепели», подводя своего рода «промежуточные итоги», Евтушенко писал:

И голосом ломавшимся моим
ломавшееся время закричало.
И время было мной,
и я был им,
и что за важность,
кто кем был сначала.

(«Эстрада», 1966).

В этих строчках, где через сопоставление физиологической подробности и емкой метафоры поставлены вровень подросток с ломающимся голосом и время, переживающее колоссальную историческую ломку, запечатлелось то отношение между человеком и временем, которое утверждали поэты-шестидесятники, — это отношение паритетности. «Шестидесятники», в сущности, восстанавливали первоначальный, идеальный смысл отношений между личностью и социумом, индивидуальной судьбой и историей, который предполагался социалистической мечтой. Герои Евтушенко задиристо провозглашали себя равносильными таким мифологизированным святыням, как «народ» и «Россия». Читаем у Евтушенко:

Я не знаток в машинах и колосьях,
но ведь и я народ,
и я прошу,
чтоб знали
и рабочий и колхозник,
как я тревожусь,
мучаюсь,
дышу.

(«Считают, что живу я жизнью серой», 1957–1961)

Одновременно «шестидесятники» установили какой-то интимный, домашний контакт с явлениями и категориями мегамасштабными — эпохой, историей, человечеством. У Евтушенко, например, поэзия уподоблена Золушке, которая

стирает каждый день, чуть зорюшка,
эпохи грязное белье...
и, на коленях
с тряпкой ползая,
полы истории скребет.

(«Золушка»)

Образные ассоциации такого рода, столь радикальные «уравнения» носили откровенно эпатажный характер и вызвали соответствующую реакцию.

Парадокс усиливался тем, что образ самого лирического героя в поэзии «шестидесятников» давался в подчеркнуто обыденном воплощении («В пальто незимнем, в кепчонке рыжей», «Я шатаюсь в толкучке столичной»), его биография была очень узнаваема: «Откуда родом я? Я с некой / сибирской станции Зима»; «войны дитё», что запомнило на всю жизнь эвакуацию, «сорок трудный год», голодные очереди за хлебной пайкой, что «мальчишкой паромы тянул, как большой». Но присутствовал здесь и совершенно новый, острейший драматизм — он, воспитанный с младенчества в том утопически-оптимистическом духе, который не допускал сомнений в правильности пути, по которому идет страна, переживал мучительный процесс освобождения от неправды, от «газированного восторга». Однако правду о времени они открывали через постижение правды о человеке в собственно лирическом преломлении, а именно через открытие драматизма внутренней, душевной жизни своего лирического героя. Отношения с любимыми, размолвки с друзьями, случайные обиды — все это выговаривается лирическим героем.

В первую очередь он подвергает взыскательному анализу самого себя. И оказывается, что жизнь его души очень нелегка прежде всего потому, что он не в ладах с самим собою. Читаем в одном из ранних стихотворений Евтушенко:

Я что-то часто замечаю,
к чьему-то, видно, торжеству,
что я рассыпанно мечтаю,
что я растрепанно живу.
Среди совсем нестрашных с виду
полужеланий, получувств,
щемит:
неужто я не выйду,
неужто я не получусь?

(1953)

Этот же мотив «неупоения собой» звучит и позже — в стихотворениях «Со мною вот что происходит» (1957), «Пустота» (1960), «Всегда найдется женская рука» (1961) и др. Подобное самобичевание героя тоже было непривычно для лирики соцреалистического толка.

В самом акте исповедования герой Евтушенко испытывает особую радость — облегчение откровенностью, возможность излить свою душу перед Другим. И вот здесь существенна следующая принципиальная особенность евтушенковской исповедальности: его герой требует внимания к своей душевной жизни, он жаждет чуткости к себе, он взывает отклика от Других.

Тревожьтесь обо мне пристрастно и глубоко.
Не стойте в стороне, когда мне одиноко...
В усердии пустом на мелком не ловите.
За все мое «потом» мое «сейчас» любите.

(1956)

Менее всего в этих строках следует видеть проявление авторского эгоцентризма. Здесь действует закон лирики — в слове и переживании лирического героя проецируется читатель, потенциальный согерой стихотворения. Это его личную — а значит, в каждом из нас запрятанную — тоску по душевному отклику оглашает лирический герой Евтушенко. В душевном отклике со стороны Других лирический герой находит поддержку себе в трудные минуты; он, если угодно, самоутверждается через факт безразличия Других к нему, наконец, — и это главное — он убежден, что его муки и страдания представляют социальный интерес, заслуживают внимания, заботы и отклика.

Таким парадоксальным и даже шокирующим, но в высшей степени адекватным лирическому сознанию способом Евтушенко утверждает самоценность любого человека и требует чуткости, отзывчивости к его душевной жизни.

Другая, «симметричная» первой, принципиальная особенность евтушенковской исповедальности состоит в том, что, взыскуя чуткости к себе, его лирический герой одновременно открывает свою душу навстречу Другим. «Я жаден до людей», — признается он. В его мир входят «Муська с фабрики конфетной», «лифтерша Маша», «Настя Карпова, наша деповская», «Верка, Верочка» со «Скорохода», «дядя Вася», что пишет прошения за всех и обо всем, «бабушка Олена» с ее больными ноженьками... Это те самые простые советские люди, к повседневной жизни которых обратилось искусство в пору «оттепели». Герой Евтушенко сострадает им и — любит ими: каждый из них самоценен, и в каждом из них — Россия. Это двуединство образов «простых людей» и России своеобразно озвучено стихом: простенькие ритмы, ломкая рифма и — песенная мелодика, щемящая интонация (лучшее стихотворение из этого ряда — «Идут белые снега»).

«Людей неинтересных в мире нет» — таков принцип мироотношения лирического субъекта Евтушенко. Он любит этих людей, их жизнь, их беды тоже становятся источником его переживания. Отсюда — высокий накал его гражданского пафоса.

Евтушенко несравнимо расширил диапазон гражданского переживания. В его стихах читатель без труда уловит нервную рефлексию на практически все сколько-нибудь значительные события в стране и мире, имевшие место быть в 1950–90-е годы. А некоторые его стихотворения становились значительными фактами общественной жизни, вызывая бурную реакцию представителей всего политического спектра. Такова была судьба стихотворений «Бабий Яр» (1961), «Наследники Сталина» (1962), «Танки идут по Праге» (написано 23 августа 1968 года, на третий день после события).